

В дурмане

Рассказ из книги “Арахис. Убивать”

Перевод с немецкого и вступление ВЕРЫ МЕНИС

Известная швейцарская писательница Рут Швайкерт родилась в 1965 году в небольшом немецком городе Лёррахе. Получила театральное образование, изучала германистику. В 1994 году дебютировала книгой “Арахис. Убивать” (“Erdnüsse. Totschlagen”) и сразу обратила на себя внимание читателей, критиков, получила различные призы и награды.

В книге — семь порой пугающих своей прямотой гротескных историй в стиле литературы абсурда об изломанных судьбах дочерей, их матерей и отцов, о неприятии себя и мира, о холоде нашей повседневной жизни. Это чувство холода объединяет многие женские персонажи, о которых сама Рут Швайкерт выразилась так: “Мои женщины довольно заурядные, не особо эмансипированные, но и не умиротворенные”.

Одна из семи историй называется “В дурмане” (“Schlafbetrunken”). Речь идет о замкнутых на себе членах одной семьи, об их безотрадном детстве, о “высокоточной повторяемости” (основной лейтмотив повествования) одних и тех же деталей их судеб: войны, безотцовщина, мучительные комплексы вины и даже костюмы для траурных церемоний. Часто спасением от безысходности служит обволакивающий их и передающийся по наследству дурман сна.

Однако этот рассказ отличает от других возникающий в конце лучик надежды. Одна из женщин, Паула, “чье одиночество было таким же большим, как приготовленный ею торт с масляным кремом”, перед смертью просит, чтобы во время ее похорон звучала “Фантазия и fuga” соль минор И. С. Баха. Описывая душевное страдание композитора, отразившееся в звуках органа, она заканчивает словами о его все-таки растворившейся боли. Так появляется мотив спасительной силы искусства.

Пролог

Мемориальная доска
погибшим в Первой мировой
войне на кладбище в Ульме:

*Сыновья Германии в победных сражениях
защищали свою дорогую, истекающую кровью родину!
Над вашими могилами молча растет несгибаемая надежда
благодарных сестер и братьев когда-нибудь,
после боли и страданий увидеть лучшие дни.*

В марте 1985 года, в конце школьных лет Евы Шиндлер и, стало быть, в нулевой точке всех дальнейших познаний и в то же время в начале загрузки всех жизненных тягот на ее плечи легла нелегкая ноша — свобода.

Спустя семь лет, в Ульме на Дунае ее бабушка Паула в возрасте девяноста лет и трехсот пятидесяти пяти дней была уложена в семейную могилу к Карлу Риценталеру. Вокруг свежерытой, дымящейся в апрельском холоде ямы стоят Ева, она в черном зимнем пальто, которое семь лет назад по случаю сдачи экзамена на аттестат зрелости ей подарил отец; ее мать, Гизела, с отяжелевшими веками, пьяно-сонная, как бывало всегда, когда считавшееся прошлым вламывалось в ее настоящее; скрестивший руки Эмиль, отец Евы, чей взгляд просто застыл в шести сантиметрах от его же лица; Генрих, пяти с половиной летний сын Евы, поглощенный кусанием маленьких дырочек на рукавах своего нового темного свитера; вплотную с ним стоит его отец Нафанаил-Мария, он прикуривает очередную сигарету, в то время как пастор берется за лопату. В сторонке кашляет Якоб, в прошлом местный радиомеханик, а нынче собиратель пустых бутылок на улицах Ульма. Этим утром Ева познакомилась с ним случайно. Сидя на привокзальной площади на украшавшем город ящике для цветов, он ел круглые хру-